

«ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЯЗЫКА»: КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОММУНИКАЦИИ

И.В. Родин

PhD научный сотрудник

ИГИТИ им. А.В. Полетаева, НИУ ВШЭ, Москва

До того, как касаться вопроса коммуникативного потенциала гуманизма, видится уместным поставить вопрос о коммуникативном потенциале самой коммуникации. О сомнительности данного потенциала в существующем виде свидетельствует, помимо прочего, громогласность и императивная навязчивость призывов коммуницировать, социализироваться, артикулировать, а с другой стороны, дешифровывать, (доходчиво!) объяснять («просто о сложном»), «make sense». Язык оказывается исторгнут из пространства метафизики, судьбы, эсхатологии, случайности, абсурда и поэтических диверсий за грань обыденности, очевидности, исчисляемости – из пространства бытия «без языка». Языку отказывается в его телесной функции, в его связи с аффектом, тем самым работа сознания сводится к когнитивно-мозговому уровню и статусу (не)исправности. Однако именно теперь «безъязыковость» обнажается во всей своей амбивалентности: квазипарадоксальным образом как раз-таки субъект импульсивной коммуникации, субъект не знающий и познающий, но «обладающий информацией», оптимизирующий свою речь на благо *эффективной* коммуникации, – именно такой субъект оказывается «человеком без языка».

Трагикомическая зарисовка Америки в повести Владимира Короленко «Без языка», написанной более ста лет назад, предельно точно схватывает квинтэссенцию этой «расчлененной, промежуточной» культуры (Ж. Бодрийяр), за время, разделяющее конец девятнадцатого века и современность, лишь приблизившейся к собственному пределу, но не поменявшей по своей сути. В этом пределе замыкается определенный цивилизационный и метафизический круг, начавший вырисовываться из точки редукции языка до уровня средства коммуникации и к этой же точке вернувшийся. Только таким, топорным, но поистине эффективным образом, путем отмены языка как диахронической опоры субъективности, и возможно было создать иллюзию пресловутого американского «плавильного котла». Человек, погруженный в театральномимикрирующую (разыгрывание чувства общности) и вместе с тем сугубо меркантильную синхронию, и оказывается «человеком без языка», если рассматривать язык в качестве *темпорально-семантического поля*

субъективности (бытие субъекта *во* времени). Основание же новой социосемантической системы на базе однотипных и односложных вопросов и ответов, ознаменовало собой беспрецедентный для современности квантовый скачок, поистине мистический для человека Старого Света, но заложивший фундамент для той атавизации языка, которой поражена и современная русская культура:

«– Well! – ответил американец, захохотав.

– Yes, – засмеялся и Дыма» [1, 31].

Тот факт, что данный диалог не режет ухо современного, молодого, не обремененного чтением художественной, философской и поэтической литературы субъекта, – факт этот следует признавать во всей его масштабности, ибо того требует чуткость к духу времени и состоянию культуры, которое мы осмысляем, ибо противопоставляя им алкаемый предел – искомый или выявляемый в экзистенциальном/интеллектуальном прошлом, – легко сбиться с толку. *Судьба человека отражается в судьбе языка.*

Подытожим: будущая судьба коммуникации напрямую зависит от судьбы языка, а та, в свою очередь, зависит от расширения/сужения пространства опыта, что включает в себя (не только, но не в последнюю очередь) опыт языковой в смысле того, как проистекает процесс «вхождения в язык» (субъективизации по Ж. Лакану) и как выглядит пространство индивидуального и коллективного взаимодействия с языком в повседневной жизни. Человек, «считающий себя изобретателем» из повести Короленко, заявляет, что «только наука [*читай, технология, методология, кибернетика – И.Р.*] способна изменить все человеческие отношения». Однако, как известно, Фауст (позитивизм, рационализм) знаменует для европейской культуры «закат», а не (утреннюю) «зарю», и именно в этой точке метафизической направленности судьба Европы пересекается с судьбой России и русского языка. Русская версия гуманизма не лежит в правовой плоскости (либертарианство, «гражданская позиция»), но возможна только при сохранении чувства языка и интимных, глубоких отношений с родной словесностью, без которых ни одна «надстройка» не прорастет в русскую почву в форме здоровой судьбы: «Ай, люди, люди! И что вам только понадобилось в этой Америке? Жили бы в своих Лозищах...» [1, 32–33] На чем зиждутся эти самые отношения – вопрос отнюдь не формально-логического или институционально-бюрократического, но онтологического и метафизического порядка.

Список литературы

1. Короленко В.Г. Без языка. М.: Сов. Россия. 1979.